

Романы о бандитской любви

ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ

НЕВЕСТА МАФИИ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Невеста мафии / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-099615-5

Когда сыщики влюбляются — преступникам становится некомфортно вдвойне. Буря чувств и океан страстей сметают на своем пути любые злодейские преграды, уловки и козни! Один минус: любовная нега затуманивает взгляд, и даже опытный опер порой не замечает очевидного. Так и капитан милиции Петрович, лежа в больнице с простреленной ногой, начал приударять за медсестрой Лидочкой. И думал он о чем угодно, но только не о последствиях этого флирта. И вдруг Лидочка бесследно исчезает. Похоже на то, что ее похитили торговцы женской красотой, на счету которых несколько убийств в подпольном стриптиз-клубе. И вот Петрович, как говорится, рвет чеку. Теперь его не остановит ничто. На розыски любимой он готов отправиться к черту на кулички — на сибирские золотые прииски, в самое разбойничье гнездо, где шансов остаться в живых — почти никаких...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В.Г., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099615-5

Часть первая

ГЛАВА 1

Кто покойников боится, тот для службы не годится... Сам придумал, сам озвучил. Юрка одобрительно улыбнулся. Ему нравилось мое бодрое, а значит, и боевое настроение. И еще он сказал, что бояться нужно живых. Как будто я и сам этого не знал...

А еще я знал, что некоторые кладбищенские сторожа неплохо зарабатывают на криминальных трупах. Схема проста — неожиданно или «чаянно» убил человека, привез тело на погост, договорился с местным бюро неформально-ритуальных услуг, расплатился с ними по тарифу, не согласованному с налоговой службой, и будь здоров — если, конечно, угрызения совести не доведут до больничной койки. А сторожа уже знают, что делать дальше: раскоют старую забытую могилу, смешают свежее тело с прахом давно усопшего, землю и памятник вернут на место, аккуратно уложат срезанный дерн, чтобы скрыть новое захоронение. Разве что священника не позовут, чтобы отпеть покойника. Хотя кто его знает, может, у этих лихоимцев в их тайном преискуранте существует и такая графа, чтобы и батюшку с кадилом заказать. Любой каприз, вплоть до гарантированной экспресс-доставки души в рай бизнес-классом, только плати...

Единственное, чего наверняка не могло быть в этом кладбищенском прайсе, так это — острых ощущений от недружественной встречи с опергруппой уголовного розыска. Что ж, придется подать себя бесплатно, но с высоким качеством оказания незапланированной услуги. Если, конечно, этой ночью кладбище примет на свой вековечный баланс еще одного постояльца.

Это была его, Юркина, идея — поднять показатель раскрываемости убийств за счет неучтенных покойников. Затея, может, и не самая глупая, но несанкционированная сверху, а значит, поддержать ее мог только доброволец вроде меня. Натура у меня такая — денег не плати, дай только подержаться за горло какого-нибудь изувера. И семьи у меня нет — некому пилить за прогулы в супружеской постели. В общем, если кого и мог подбить Юрка на такую авантюру, так только меня одного. Вот он мною и воспользовался. Потому-то и готов откликнуться на любую мою шутку. Или на какую-нибудь «байку из склепа», в чем я, признаться, не силен.

Хотелось бы, чтобы байка эта сказывалась. Вот появится неурочный заказ у создателей и хранителей кладбищенских тайн, примут они труп, чтобы предать его земле, а тут мы с Юркой и объявимся. Лицом вниз, руки на затылок, а затем в отдел — на допрос, чтобы свежая кладбищенская байка обросла силой протокола. И жертва тогда будет, и убийца, а значит, появится полновесная палка в графе раскрываемости, аккурат накануне министерской проверки. В звании нас, может, и не повысят, но благодарность наверняка объявят. А лишний бонус, как известно, в личном деле не помеха...

Но, похоже, если кого-то этой ночью здесь и похоронят, так это нашу надежду на раскрытое убийст-

во. Кладбищенская тишина это делает под немой смех покойников. Половина четвертого утра уже, вот-вот светать начнет, а мы с Юркой все пустые щи лаптем хлебаем. Тихо в сторожке, свет в окне давно уже не горит — спят ее обитатели, хоронят кого-то во сне под траурный аккомпанемент собственного храпа. Да и у меня, если честно, глаза уже слипаются. Хоть бы какой покойник объявился. Предрасветный час — это как раз такое время, когда мертвецы возвращаются в свои могилы из самовольной отлучки. Вот бы вышел сейчас на нас такой гуляка, нагнал бы жути, да так, чтобы извилины дыбом, чтобы сон как рукой. Но тихо вокруг, только ветер в кронах деревьев шелестит... Или это чьи-то души меж собой перешептываются. Возможно, так оно и есть, но мне почему-то совсем не страшно. Может быть, обида страх глушит. Обида на то, что не удалась ночная охота. Нам свежий труп нужен, а витающие над нами души старопреставленных в графу раскрываемости не впишешь.

— Да, не повезло сегодня, — глянув на часы, уныло протянул Юрка. — Уходить надо.

— Может, просто поспим?

Я чуть ли не с нежностью обнял гладкий, пахучий ствол осины, приложился к нему щекой. Закрывать бы глаза и спать, спать. И плевать, что под ногами могилка, из которой мог вылезти старшина мертвецкого полка, чтобы вычислить и взять на карандаш смердящих самовольщиков.

— Оставайся, а утром я за тобой заеду, — насмешливо подмигнул мне Юрка.

— И небритого, немытого отвезешь на службу. Спасибо тебе, добрый друг.

— Может, под тобой цирюльник лежит. Расчешет тебя, побреет, сбрызнет одеколоном...

— А тут сутенеров нигде не хоронили? Может, мне и девочку приведут? — тем же шутливым тоном спросил я.

— Давай поднимайся, некро...

Юрка не договорил. Подняв указательный палец, он застыл, как железобетонный пирс, нацеленный на то, чтобы разрезать надвигающуюся волну. Видимо, его чуткий слух уловил то, чего не смог заметить я. Был бы я молодым лейтенантом, по простоте душевной мог бы спросить, что случилось. Но у меня по четыре звездочки на погонах и девять лет розыскного стажа, поэтому я затих вместе со своим напарником. И очень скоро услышал шум автомобильного мотора, а чуть погодя — шелест покрышек.

Еще до того, как в подлунной темноте очертился силуэт подъезжающего автомобиля, в старом полукруглом здании с арочными окнами зажегся свет. Просто так машина на территорию кладбища не могла заехать, ее мог пропустить сторож на воротах, он же, наверное, и позвонил своим коллегам, чтобы те встречали гостей.

Именно на это мы с Юркой и рассчитывали, когда брали под наблюдение сторожку. Подъедет к ней транспорт с мертвым грузом или нет, но только отсюда могли выйти ночные землекопы, а уже в каком направлении они пойдут и для чего, мы и должны были выяснить. Проследить за ними, выйти на труп и тех, кто его доставил, — вот такая у нас была задача.

Но больше нас устраивал вариант, по которому тело доставили бы прямо к сторожке. Судя по всему, все к этому сейчас и шло: машина подъехала прямо к зданию, от которого нас отделяло метров пятнадцать. Это был мини-вэн иностранного производства без видимых знаков обозначения на борту. Юрка нацелил на него узконаправленный микрофон —

чтобы слышать и записывать на пленку предстоящий разговор. Прибор громоздкий, энергоемкий, из серии «тяжмаш-спецтех-доработайнапильником». При включении прибор опасно загудел, а когда Юрка поставил его на запись, то и заскрипел — с таким звуком наматывалась на ролики магнитная пленка родом из прошлого тысячелетия.

К счастью, подозрительный шум затерялся в шорохах кладбищенской флоры и не смог потревожить слух людей, вышедших из машины. Их было двое, и лицо одного я даже смог разглядеть — в электрическом свете, хлынувшем на него из открывшейся двери сторожки. Массивный покатый лоб, тяжелокостные надбровные дуги, узкие щелочки глаз, широкий приплюснутый нос. Багровые рубцы так уродовали его подбородок, что можно было сказать по-разному — или шрам имелся на нем, или сам подбородок размещался на шраме: и так и сяк было бы правильно. Руки короткие, но мощные, крепкое массивное тело уверенно держалось на сильных ногах. Кепка-бейсболка, спортивный костюм, а во что парень был обут, я рассмотреть не смог: высокая трава неухоженного газона закрывала его по колено.

Из сторожки вышел низкорослый мужичок бомжеватого вида. Испитое лицо, распухшие от пьянок надбровья, деформированный нос.

— Стоять!

Парень в бейсболке брезгливо поморщился, унюхав неприятный запах, толстым коротким пальцем предостерегающе ткнул сторожа в грудь. Он не хотел, чтобы этот пропойца приближался к нему, и, казалось, готов был убить его за неверный шаг.

— Жить хочешь? — буднично-утомленным тоном спросил парень.

— А-а... да, да, — нервно закивал мужичок.

— Тогда держи...

Парень вынул из кармана деньги, сунул их сторожу в руку. А его спутник тем временем вытащил из багажника и сбросил прямо на землю нечто, напоминающее человеческое тело.

— А-а... Что-то мало здесь... — подсчитав гонорар, жалко выразил свое возмущение сторож.

— Маловато будет, — подтвердил его помощник, только что вышедший в кладбищенскую ночь.

— Ничего, натурой доберете, — хохотнул парень.

— Она еще горячая, не остыла, — с тем же цинизмом добавил его спутник.

Из-за надгробия слева я не мог разглядеть очертания лежащего на земле тела. Но, судя по разговору, речь шла о женщине. И еще я понял, что предполагаемые убийцы собираются уезжать.

— Пора! — легонько толкнув меня в плечо, шепнул Юрка.

Мой табельный «макаров» сидел в руке, будто врос в нее. Стрелять я умел и даже причислял это дело к своим немногочисленным хобби, но хотелось надеяться, что задержание обойдется без пальбы. Все-таки кладбище, место святое для всех, потому как всем нам предстоит покоиться в земле. И грешное дело — нарушать вечную тишину суетными выстрелами.

Юрка сам назначил себя старшим в нашей паре, я, в принципе, не возражал, хотя и был ему ровней. Он подал мне сигнал к действию, я откликнулся, пошел за ним, но по пути к цели опередил его. Не хочу хвастаться, но задержание — мой конек. Каким бы страшным ни казался противник, не всегда смело, но с неизменным упрямством я шел напролом как бронебойный таран. Иногда я продвигался вперед с такой стремительностью, что действие опережало

сознание. Но какое это было действие... Так случилось и сейчас. Парень в бейсболке мог оказаться достойным противником, но я не оставил ему ни малейшего шанса оказать сопротивление. Подскочил к нему верхом на эффекте внезапности, вывалился на него прямо из седла. Резкий и мощный толчок плечом с одновременной блокировкой ног — одним словом, таранный удар, на котором сознание должно было догнать действие и целиком подчинить себе мои двигательные-мышечные механизмы. Там уж я бы решил, что делать дальше — добивать противника или сразу паковать его в наручники.

Но беда в том, что я вдруг потерял из виду сбитога с ног противника. И виной тому был Юрка, который попытался психологически ошарашить парня, выгрузившего из машины труп.

— Стоять! Уголовный розыск! — гаркнул он во всю мощь своих голосовых связок.

Я ничуть не сомневался в способностях своего друга и соратника, и наверняка к одному задержанному присоединился бы второй, если б не досадная случайность для нас и закономерность для вражеской стороны.

Откуда-то со стороны кладбищенской аллеи, тянущейся от ворот мимо часовенки, раздалась автоматная очередь, и проснувшееся сознание на пару с недремлющей интуицией хоть и со скрипом, но запустили во мне механизм самосохранения. Переключившись на стрелка, я нырком упал на землю — хотелось бы, чтобы все это выглядело эффектно — перекат через плечо, стремительная и меткая стрельба с двух рук. Но при падении я больно ударился правым локтем о бордюр и пересчитал затылком железные прутья могильной ограды. И все же посадку можно было назвать удачной. Во-первых, пули про-

шли у меня над головой, а во-вторых, я сумел удержать в отбитой руке пистолет. И за дерево закатиться смог. Встал на колени и с двух рук произвел несколько выстрелов по мелькавшим в темноте огонькам.

Автоматчик вычислил мое укрытие, выпустил в мою сторону длинную очередь, но только одна пуля причинила вред, и то косвенно: выбила из древесного ствола щепку, которая занозой впиалась мне в щеку. Суший пустяк по сравнению с возможной свинцовой инъекцией, да и не сразу я заметил эту мелочь.

Я остался жив, но невидимый стрелок все же сделал свое дело. Пока я отбивался от него, несостоявшиеся арестанты забрались в свой мини-вэн и дали, что называется, копати. Я выстрелил им вслед, после чего затворная рама моего «макарова» застыла в оттянутом положении. Пока возвратил ее в исходное положение, пока сменил обойму, преступники на малом ходу проехали мимо автоматчика, и сразу же все стихло. Похоже, он запрыгнул в машину, которая стала стремительно набирать ход. Двигатель мощный, не один лошадиный табун, приемистый, а опасность за спиной не самая страшная — одинокий «ПМ» с последней обоймой... Кстати, а почему не слышать Юрку?

Только сейчас до меня вдруг дошло, что мой напарник никак не реагирует на происходящее. Ни выстрелов, ни окриков с его стороны. Или трусил Юрка, или... Лучше бы он показал страуса, зарыл бы голову в песок от страха и ждал, когда все закончится. Но не таков был мой друг... Значит...

Не хотелось думать о плохом, но жуткая мысль ледяным холодком обдала мне спину. А скоро, без пользы израсходовав свой боекомплект, я увидел и самого виновника моих тревог.

Юрка лежал в позе, неестественной для живого человека. Голова запрокинута назад и свернута в сторону. Обе руки согнуты в локтях на излом, правое предплечье направлено к голове, левая ладонь под бедром. Одна нога конвульсивно вытянута, другая на вывихе подвернута под себя. Живому человеку было бы больно так лежать, но мертвому все равно...

Была еще надежда, что Юрка ранен и без сознания. Подумаешь, пулевое отверстие по центру грудной клетки. Сердце, возможно, не задето, а дырку в легких можно и залатать... Но, увы, Юрка не дышал, и пульс на шее не прощупывался.

Это была катастрофа!

— Юрка, ты чего?

Даже у мужчин случается истерика. Чем они сильнее духом, тем слабее проявляется она. И тем не менее... Не хотелось верить, что Юрки больше нет. И еще меня душила вина за то, что с ним случилось. Почему он, а не я?..

Я смахнул с его лба нависшую прядь, той же рукой провел по набухшему вдруг и зачесавшемуся кончику своего носа. Не время колотить себя в грудь, когда дорога каждая секунда.

Первым делом я связался с дежурной частью нашего отдела, вкратце изложил суть произошедшего и попытался дать описание мини-вэна, в котором скрылись преступники. Для этого мне пришлось поставить на обратную перемотку свою память... Вот машина удаляется от меня. Номерной знак с подсветкой, также по центру — фирменный логотип «Мерседеса» — трехлучевая звезда в круге. Слева на той же крышке багажника — английские буквы с обозначением модели автомобиля. Четыре буквы, но какие, хоть убей, не помню. Но вспомню обязательно, как только увижу точно такую же модель, а мо-

жет, и раньше... Первая буква на номере «о», цифровое обозначение — три «нуля», далее «х»... Последнюю букву я не запомнил, но можно было догадаться, потому как парни из этой машины уши поели основательно... Цвет кузова — темно-серый металлик.

Информацию о происшествии, ориентировку на машину я передал майору Яремову, лучшему оперативному дежурному нашего отдела. Я был еще сержантом патрульно-постовой службы, когда он уже получил звание майора. Пусть он и застрял на этой одной звезде, но дело свое знал четко. И не мне объяснять, кому нужно звонить, кого поднимать, кому докладывать. А пожелание типа «Давай, Коля, давай! Найди этих уродов!» лучше разжевать и выплюнуть вместе с останками умершей истерики.

Юрка мертв, его не воскресишь, но отомстить за него можно. Если план перехвата не сработает, то преступников можно будет найти по тем следам, которые они посеяли на месте преступления. Оперативно-розыскные мероприятия — дело серьезное, и плясать нужно было от печки, в топке которой я побывал. Верней, от разбитого корыта, возле которого я оказался.

Юрка стал жертвой одной-единственной пули, рана, увы, оказалась смертельной. Убийца, судя по всему, скрылся на машине вместе с людьми, которые доставили труп...

Тело, лежащее на земле в том месте, где недавно находилась машина, представляло для меня следующий отправной момент. Поскольку именно из-за него разгорелся весь этот сыр-бор. Факт преступления, повлекший за собой не менее трагическое продолжение.

Это действительно был труп женщины. Вернее, девушки. И какой девушки... Роскошные, сплетен-

ные в длинную тугую косу волосы, шикарные брови, большие глаза, широкоскулое эталонной красоты лицо. И фигура — лучше не смотреть, чтобы не залюбоваться и оттого не потеряться во временном и эмоциональном измерении. Из одежды только купальник — минимального, если не сказать, символического размера, серебристый, с блестками, на ногах пластиковые босоножки с высоким плетением, на шпильке и с высокой прозрачной подошвой.

Глаза у нее были закрыты так, будто она спала. И выражение лица такое, будто смерть к ней пришла во время сна. Если так, то снился ей хороший сон, в котором она кому-то дарила игриво-милую улыбку... Поразительно! Какой, к черту, мог быть сон, когда ее душила удавка или висельная петля? Ее лицо должно было выразить как минимум предсмертный ужас.

Я осветил ее фонариком с головы до ног, но нигде не нашел пулевого отверстия или ножевой раны. Зато обнаружил странгуляционную борозду на шее. Но это было еще не все. Голова лежала на боку противостоенственно, так, как будто были сломаны шейные позвонки.

Преступник мог просто свернуть ей шею. Лично я знал один верный способ, как сделать это голыми руками. Но странгуляционная полоса свидетельствовала о том, что убили ее посредством удавки. Есть такие мастера, которые, затянув петлю на шее, тут же и убивают, ломая позвонки. Быстрая смерть, но вряд ли гуманная... Но был еще один вариант. Девушка могла покончить жизнь самоубийством. Правильно влезла в петлю, грамотно шагнула в пропасть под ногами — резкий рывок, невыносимая нагрузка на позвонки с последующим переломом, мгновенная смерть и скорая встреча с бесславным коллективом неприкаянных душ.